

УДК 75.056

DOI: 10.28995/2073-6401-2018-3-155-160

Об одной предпосылке искусствоведения С.С. Аверинцева

Александр В. Марков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, markovius@gmail.com*

Аннотация. При интерпретации поэзии Манделштама Аверинцев не только обращается к произведениям живописи как иллюстрациям, но и создает несуществующие иллюстрации для объяснения поэтических образов, причем иллюстрации, нарушающие наши привычки восприятия произведений искусства и книжной культуры и близкие технике экфрасиса как живого и выразительного описания несуществующего произведения. В статье ставится вопрос, как именно работает такая аргументативная техника и в чем ее продуктивность для развития литературоведческой интерпретации. Четыре причины, но для сохранения различия между причинно-следственными и эйдетическими отношениями, неизбежного в эпоху романа, целевая причина не упоминается, как не упоминается никакая цель искусства, а катарсис отождествляется с созерцанием символически значимых сущностей. Причинно-следственные связи в искусстве отождествляются с реализацией содетельной причины, понятой как одновременно критика и усиление репрезентации, такое нарастание противоречий, которое потребует катарсиса, – тогда как материальная причина понимается как начальная готовность произведения искусства быть репрезентативным. Экфрасис строится поэтому не как целесообразное риторическое упражнение, но как интерпретация границ использования материалов в искусстве, и последовательность действия материальной, содетельной и формальной причин оказывается герменевтически значимой, и в статье показывается, как искусствоведческая мысль Аверинцева всегда становится герменевтической, толкует содержание образов, когда допускает не одновременное, но только последовательное и диалектическое действие названных трех причин.

Ключевые слова: Аверинцев, экфрасис, живопись, герменевтика, теория искусства, русский аристотелизм, русский платонизм, литературоведческая интерпретация, Манделштам, катарсис

Для цитирования: Марков А.В. Об одной предпосылке искусствоведения С.С. Аверинцева // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 3 (13). С. 155–160. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-3-155-160

On a presumption of art studies by S. Averintsev

Alexander V. Markov

*Russian State University for the Humanities, Moscow,
Russia. markovius@gmail.com*

Abstract. When interpreting the poetry of Mandelstam Averintsev not only referred to the works of art as illustrating his thoughts, but also imagines non-existent illustrations to explain poetic images, notably those breaking our habits of perception of works of art or book culture, being close to the technique of ekphrasis as lively and expressive description of non-existent paintings. The paper discusses how exactly such an argumentative technique works and what is its productivity for the development of literary interpretation. Averintsev argues on the basis of four Aristotelian causes, but in order to save the distinction between cause-effect and eidetic relations, inevitable in the epoch of the novel, the final cause is not mentioned, as no aim of art is mentioned too, and catharsis is identified with the contemplation of symbolically significant entities. Causal relations in art are identified with the action of the efficient cause, understood as both criticism and strengthening of representation, amplifying contradictions in expectation of catharsis, whereas the material cause is understood as the initial readiness of any work of art to be representative. The ekphrasis as case and genre therefore is not constructed as expedient rhetorical exercise, but as interpretation of the limits of the material use in art, and the emphatic sequence of the material, instrumental, and formal causes turns out to be hermeneutically significant.

The article shows how Averintsev's art criticism thought always becomes hermeneutic, interprets the sense of images when it allows not simultaneous, but only sequential and dialectical action of above three reasons.

Keywords: Averintsev, ekphrasis, painting, hermeneutics, theory of art, Russian aristotelism, Russian platonism, literary interpretation, Mandelstam, catharsis

For citation: Markov AV. On a presumption of art studies by S. Averintsev. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series.* 2018;3(13):155-160. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-3-155-160

Анализируя стихотворение Мандельштама «Золотистого меда струя из бутылки текла...», С.С. Аверинцев замечает по поводу третьего четверостишия:

Я сказал: виноград, как старинная битва, живет,
Где курчавые всадники бьются в кудрявом порядке;
В каменной Тавриде наука Эллады – и вот
Золотых десятин благородные, ржавые грядки.

– что эта образность представляет собой одомашнивание Эллады, превращение ее в часть местного и бытового опыта, но парадоксальное, никогда не сводящее пережитое к готовым ожиданиям и культурным привычкам. Ведь впечатление родного мира вещей достигается у Мандельштама вовсе не стилизацией, а чем-то противоположным, парадоксом и оксюмороном, который как бы допустим в незатейливом домашнем разговоре, где можно пускаться в сколь угодно рискованные сравнения, лишь бы быть понятным или понятной собеседнику, – но совершенно невозможен, когда следует предстать перед широкой публикой, неспособной к пониманию шуток. Аверинцев видит в стихотворении несколько рискованное выступление перед публикой, работу на грани риска, что и позволило поэту ввести экфрасис как преобразование материала на глазах у публики:

Обнажение подхода к оперированию с лексикой можно видеть на примере словосочетания «золотых десятин». Древние греки меряли землю отнюдь не десятинами; мало того, слово «десятины» само по себе способно вызывать нарочито российские ассоциации. Эпитет «золотой» логически мотивирован задачей описания цвета, но выходит за пределы этой задачи хотя бы потому, что золотой – не золотистый. Оценочность эпитета выявлена через сопряжение с эпитетом «благородные», между тем как еще один эпитет «ржавые» возвращает к идее металла (несколько парадоксальным образом, поскольку золото как раз не ржавеет). Эпитет становится чуть многозначительным и немедленно оживляет в памяти все обороты из обихода эллинской классики вроде «золотой Афродиты», одновременно преображая виноград в

изделие античного ювелирного искусства, надо полагать, представляющее «старинную битву» и «курчавых всадников» [1 с. 121].

В самом стихотворении Манделъштама нет никаких указаний ни на античное ювелирное искусство, ни на вообще репрезентации или экфрасиса, все образы оказываются только частью речевого сообщения, перволичного высказывания, называющего предметы по правилам лирики. Хотя «ржавые грядки» «золотых десятин» нам было бы проще понять, истолковав «ржавое» не как обозначение состояния, но цвета, бурые, рыжеватые, а золотые десятины – как ценные (разумеется, не в смысле их дороговизны, но в смысле того, что в гимне все ценно и драгоценно), Аверинцев неожиданно сводит ржавое к «идее металла», а золото десятин – к простому выламыванию за пределы цвета и замене повествовательной логики ассоциативной; иначе говоря, к экфрасису как оживлению произведения, выходу его как живого за условные пространственные рамки.

Аверинцев настаивал, что искусство часто взламывает существующее пространство, отрицает его, и только тогда готово вобрать зрителя в себя. Но где пространство все же значимо и величественно, возникает живописная риторика на трех незыблемых принципах: монументальность, рационализм, последовательность. Внутри такого узнаваемого пространства, требующего обживания, а не отрешенности, художник действует, «вводя живописные эквиваленты риторики – монументальность архитектурных фонов, рационализм перспективных разработок, последовательность декоративного замысла» [2 с. 69].

В названных трех принципах очевидно полное соответствие трем из четырех причин Аристотеля: материальной (монументализация материи), формальной (учреждение перспективы как господствующей формы), содетельной (установление действительных и действующих причинно-следственных связей, хотя и находящихся на уровне условного замысла) – при этом целевая причина не обозначена. Целевая причина вводится другим образом, указанием не на риторику, а на общую поэтику вещей.

Так, в «Поэтике ранневизантийской литературы» Аверинцев точно так же, подробно излагая классическую онтологию, называет только три аристотелевских причины, не обмолвившись о целевой [3 с. 46–47]. Материальная причина понимается точно так же как способность вещей послужить материалом для больших художественных проектов, формальная – как «эйдетика», теоретизирующая отношение к вещи, а содетельная – как позволяющая наблюдать цепочки причинно-следственных связей с некоей условной позиции.

Интереснее всего, что в случае содетельной причины, по Аверинцеву, действуют не инструменты, а силы, $\deltaύναμεις$, с чем никогда не согласился бы Аристотель, для которого содетельная причина вещи – начало ее движения, а начало всякого движения – чистый акт, а вовсе не потенциальность. Словоупотребление Аверинцева здесь отвечает бытовому вненаучному смыслу новогреческого $\deltaύναμη$ как громкости или силы удара, что, возможно, позволило Лоуренсу [4 с. 38] выдвинуть фантастическое предположение, что новогреческий язык является родным (sic!) или вторым языком Аверинцева, но главное, его пониманию художественной условности как своеобразной силы высказывания.

В мандельштамовском экфрасисе Аверинцева с самого начала видно противоречие между тем, что описываемое произведение понимается как прямая репрезентация, «изделие... представляющее», – и при этом репрезентация остается лишь функциональной частью сравнения. Данный экфрасис проще всего понять так: описанный в строках Мандельштама виноград похож на некий изощренный античный сосуд, образец тщательной пластики, с изображением курчавых всадников, и их так много, что в результате возникает экспрессия, напоминающая битву. Такое прочтение дает линейную схему: виноград – сосуд – битва – всадники, которую графически можно представить как развилку. Ведь выразительное сходство налитого винограда и золотого изделия настолько сильно, что позволит увидеть в нем то круглые головы всадников, то кровавую битву (вероятно, виноград на давилне) и свести стихотворение Мандельштама к экспрессии.

Но убедительнее более сложное понимание, в котором нет развилки, но присутствует уже рассмотренное отношение материальной, формальной и содетельной причин: 1) виноград до преобразования (материал); 2) виноград после преобразования (эйдетика); 3) условный сосуд (повод к пониманию причинно-следственных отношений). Этой последовательности отвечает: 1) способность репрезентировать; 2) репрезентация старинной битвы; 3) условные образы всадников. В экфрасисе тогда появляется строжайшая логика: 1) непосредственная наглядность вещи и есть ее способность репрезентировать; 2) преобразенная вещь, созерцаемая вещь, и есть само действие; 3) условная вещь и есть основание для индивидуального понимания любых художественных условностей. Тогда экфрасис Аверинцева состоит в том, что только в разгар спора, азартной битвы можно понять условности поэтического искусства Мандельштама.

Литература

1. Аверинцев и Мандельштам / под ред. Д.Н. Мамедовой. М.: РГГУ, 2011. 311 с.
2. Аверинцев С.С. Поэты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 364 с.
3. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. 343 с.
4. *Lawrence J. A review: The Poetics of Early Byzantine Literature // Religion in Communist Lands. 1979. Vol. 7. P. 38–39.*

References

1. Mamedova DN., ed. Averintsev and Mandelstam. Moscow: RGGU Publ.; 2011. 311 p. (In Russ.)
2. Averintsev SS. Poets. Moscow: Shkola “Yazyki russkoi kul'tury” Publ.; 1996 p. 364 p. (In Russ.)
3. Averintsev SS. The poetics of Early Byzantine literature. Moscow: Coda Publ.; 1997. 343 p. (In Russ.)
4. Lawrence J. A review. The poetics of Early Byzantine literature. *Religion in Communist Lands. 1979;7:38-39.* (In Russ.)

Информация об авторе

Александр В. Марков, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; e-mail: markovius@gmail.com

Information about the author

Alexander V. Markov, Dr. in Philology, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; e-mail: markovius@gmail.com